

— Кхе, кхе-кхе...

По спокойной глади озера пошли круги.

Сначала на поверхность всплыли алые струйки крови, следом за ними показались чёрные волосы, похожие на морские водоросли, и наконец — бледное лицо.

Цзян Жунъи лежал на спине, удерживаемый на воде силой выталкивания. Его взгляд был рассеянным, всё вокруг казалось подёрнутым дымкой, расплывчатым и нечётким.

Всё кончено.

Не успел Цзян Жунъи предаться размышлениям, как в голове зазвучал ледяной голос системы. У механизма не было такого чувства, как сострадание; даже увидев, до какого состояния дошёл хозяин, сотрудничавший с ним долгие годы, он не изменил частоту своего звучания.

— Желаете отвязать систему отыгрыша злодея?

Густые и длинные ресницы дрогнули. Цзян Жунъи ответил одним словом:

— Да.

Получив ответ, система начала отделять систему отыгрыша злодея от души Цзян Жунъи.

Да, систему отыгрыша злодея. С её помощью Цзян Жунъи играл роли ненавистных злодеев в разных книгах. Только что съёмки роли злодея из книги «Поправ небожителей» завершились, и система отыгрыша злодея одобрила заявление Цзян Жунъи об увольнении.

Он лишится этого божественного дара, больше не будет под контролем системы, не будет втянут в бесконечную череду перерождений и не будет вынужден, следуя сюжету, делать то, что претит его душе.

Он свободен.

Процесс отделения системы был крайне мучителен.

За тысячи воплощений в ролях система уже слилась с Цзян Жунъи в единое целое.

Теперь требовалось с силой разрубить душу Цзян Жунъи на две половины, чтобы извлечь из неё систему.

Цзян Жунъи чувствовал, как его душу, словно тесто, разрывают и месят невидимые руки, а после извлечения системы отыгрыша злодея вновь кое-как склеивают расколотые куски.

Во время этого процесса Цзян Жунъи смотрел пустыми глазами в одну точку в пустоте. Даже лёжа в ледяной воде, он покрылся потом от боли.

Но его бледные, мягкие губы были плотно сжаты, из них не вырвалось ни звука.

— Прогресс отделения системы: 100%.

— Хозяин навсегда останется в мире «Поправ небожителей» до самой смерти.

— Поскольку съёмки роли злодея Цзян Увана, которую играл хозяин, завершены, и учитывая прежние отличные показатели хозяина, система решила сохранить это тело, поддерживая в нём минимальные жизненные показатели, для использования хозяином.

— Желаем хозяину приятной жизни.

Цзян Жунъи пришёл в себя после бесконечных мук.

Система отыгрыша злодея отделена.

Наконец-то он свободен.

Цзян Жунъи перевёл дух и, преодолевая боль, поплыл к берегу. Нашупав опору, он погрузил бледные пальцы глубоко в ил и, опираясь на руки из последних сил, вытянул своё тело из воды.

— Кх... — промокший насквозь Цзян Жунъи рухнул на землю, с трудом повернул голову набок и выплюнул кровавую слюну.

Солнечный свет, падавший на лицо, слепил глаза. Он хотел поднять руку, чтобы заслониться, но чувствовал лишь ломоту во всех перебитых меридианах и не имел ни капли сил, чтобы пошевелить конечностями.

Только что он завершил съёмки роли злодея Цзян Увана.

Протагонист сокрушил его мечевые кости, тысячелетняя культивация обратилась в пену. Если бы не сверхъестественная система отыгрыша злодея, поддерживающая жизнь в этом теле, он бы уже отправился на тот свет.

Но даже так, за бесчисленные воплощения в роли злодея, такой исход можно считать неплохим.

Впрочем, Чжоу Сывэй... слегка перестарался.

Цзян Жунъи медленно закрыл глаза. У него не осталось сил. Энергия, оставленная системой злодея, не даст ему умереть, но и не позволит жить полноценно. Так не лучше ли просто хорошенько выспаться?

Он не спал спокойно уже сотню жизней.

Во сне промелькнула вечность. Очнувшись, Цзян Жунъи почувствовал, будто миновала целая эпоха, и только боль в теле была ясной и не давала о себе забыть.

Он открыл глаза, но по-прежнему не мог разглядеть, что перед ним. Лишь смутно понял, что находится в убогой, крытой соломой хижине.

— Брат! — заметив, что Цзян Жунъи очнулся, маленькая девочка поспешно отложила работу и подбежала к кровати.

Цзян Жунъи прищурился и смутно разглядел чистенькое личико, половину которого покрывало уродливое тёмно-красное родимое пятно, сразу бросавшееся в глаза.

— Брат, тебе ещё где-нибудь нехорошо? — встревоженно уставилась на него девочка.

— Ты... — Цзян Жунъи произнёс лишь одно слово, как почувствовал в горле привкус крови. Он

сглотнул солёную влагу и продолжил: — Как тебя зовут?

На лице девочки отразился испуг. Она осторожно ответила:

— Брат, ты забыл? Я Цзян Юньси, а ты Цзян Жунъи.

Из рассказа Цзян Юньси выяснилось, что они с Цзян Жунъи — брат и сестра из боковой ветви дома Цзян в городе Шанъинь. Их родители рано умерли, оставив сирот вдвоём. Цзян Юньси недавно исполнилось десять лет, и она должна была отправиться в город Шанъинь на проверку духовных костей, но как раз в этот решающий момент её брат Цзян Жунъи упал без сознания на берегу озера.

Цзян Жунъи пережил не одну сотню жизней и прекрасно знал такие шаблоны.

Это был последний дар системы отыгрыша злодея.

Тело Цзян Увана вызвало кровавую бурю в мире культивации. Каждый хотел убить его как можно скорее.

Если бы Цзян Жунъи продолжал носить это имя и пользоваться этим телом, вряд ли он обрёл бы покой. Только всемогущая система могла создать безупречную личность.

Цзян Жунъи быстро вжился в роль и, успокаивая, улыбнулся Цзян Юньси:

— Всё в порядке.

Цзян Юньси успокоилась. Она побежала и принесла миску с чёрным, как дёготь, отваром.

— Брат, выпей лекарство. Выпьешь — поправишься.

Цзян Жунъи понюхал и сразу понял, что входящие в состав травы могут лишь восполнить кровь и укрепить дух, но для его нынешних ран они бесполезны. Однако, глядя в блестящие глаза Цзян Юньси, он не смог отказаться и протянул руку, чтобы взять миску.

Но неожиданно его тело оказалось настолько слабым, что он не удержал даже миску с лекарством, едва не расплескав его.

— Я покормлю брата! — Цзян Юньси тут же села у кровати и стала кормить Цзян Жунъи с ложечки.

Цзян Жунъи послушно выпил всю миску, чувствуя во рту кислую и горькую горечь, и только тогда по-настоящему осознал: он начал новую жизнь.

Выпив лекарство, Цзян Жунъи лёг и закрыл глаза, чтобы отдохнуть. Сейчас он вовсе не нуждался в лекарствах; нужно было лишь терпеливо ждать, пока энергия, оставленная системой отыгрыша злодея в теле, восстановит организм.

Однако система отыгрыша злодея была крайне скупа: оставленной энергии хватало только на поддержание базовых функций тела. Чтобы полностью восстановиться, потребовались бы десятилетия.

Наконец-то обретя свободу, Цзян Жунъи, конечно же, хотел жить в своё удовольствие и делать, что пожелает.

Поэтому он должен был найти другие источники энергии для восстановления тела. Он не желал провести остаток жизни в этой разбитой оболочке.

— Когда едем в Шанъинь? — спросил Цзян Жунъи, прислушиваясь к тому, как маленькая Цзян Юньси хлопочет по дому.

Шаги Цзян Юньси на миг замерли, и она с горечью ответила:

— Через пару дней, не торопись.

Цзян Жунъи, проживший не одну тысячу лет, мгновенно понял, что это ложь. Он вспомнил об убожестве их дома и о той миске с отваром.

Эта девчушка потратила деньги, отложенные на дорогу в Шанъинь, на лечение Цзян Жунъи, и теперь у них не было возможности туда поехать.

Но в Шанъинь ехать было необходимо.

Не только Цзян Юньси должна была пройти проверку духовных костей в доме Цзян, но и Цзян Жунъи нужно было раздобыть некоторые предметы для восстановления тела.

Что ещё важнее, Цзян Жунъи не хотел из-за себя менять жизненный путь Цзян Юньси.

Сейчас Цзян Жунъи был почти слеп. Он долго вглядывался в Цзян Юньси, щурясь, и наконец смутно разглядел её ауру удачи.

Есть на свете люди, которые рождаются под покровительством Небесного Пути. Что бы они ни делали, у них всё получается, а те, кто встаёт у них на пути, неизбежно терпят крах.

Это и есть так называемые протагонисты. И Цзян Юньси была именно таким протагонистом.

Мир «Поправ небожителей» был огромен, и один Чжоу Сывэй не мог нести на себе всю структуру вселенной. Поэтому Небесный Путь сам породил других, второстепенных протагонистов.

Эти второстепенные протагонисты обладали куда меньшей аурой удачи, чем Чжоу Сывэй. Они нечасто встречались друг с другом и каждый в своём мире разыгрывал собственную историю.

Цзян Жунъи собирался использовать ауру удачи Цзян Юньси, чтобы скрыть себя от взора Небесного Пути и не дать ему обнаружить персонажа, который уже должен был умереть.

Но аура Цзян Юньси могла защитить его лишь на время, не навсегда.

Задача Цзян Жунъи состояла в том, чтобы, опираясь на Цзян Юньси, найти того, кто обладает большей аурой удачи, и тогда он сможет спокойно наслаждаться своей отставкой.

Будь Цзян Жунъи по-прежнему злодеем, ему бы, конечно, не пришлось беспокоиться о деньгах.

Но сейчас его внутренняя энергия превратилась в запутанный клубок, он не мог управлять даже её малейшей частицей, не говоря уже о том, чтобы достать духовные камни и эликсиры из пространственного кольца.

Цзян Жунъи пощупал рукав. Одежда на нём была сшита из газа, сотканного русалками из

Бескрайнего моря. Даже потрёпанная, она стояла целое состояние. Но если бы он снял её и продал, ему нечего было бы носить.

Он долго размышлял и наконец снял с шеи нефритовую подвеску.

Кольцо на пальце любому сведущему человеку показалось бы необыкновенным и могло бы навлечь на Цзян Юньси беду. Одежда из газа была хороша, но он боялся, что купцы не оценят её по достоинству. Только эта подвеска, сделанная из простого нефрита, которую Цзян Жунъи носил до сих пор, подходила для продажи.

Её подарил Чжоу Сывэй. Он сам вырезал её и сам надел на шею Цзян Жунъи.

И с тех пор, несколько сотен лет, Цзян Жунъи её не снимал.

Теперь это уже не имело значения. Он больше не был Цзян Уваном, не был злодеем, предназначенным для протагониста, не был его роковым испытанием.

— Юньси, — позвал Цзян Жунъи.

— Брат! — отозвалась Цзян Юньси, подбегая. — Что случилось?

— Вот эту подвеску, — Цзян Жунъи, едва различая перед собой фигуру, на ощупь сунул подвеску в маленькую руку Цзян Юньси. — Продай в скупку, выручи денег.

Цзян Юньси заколебалась. Она хорошо знала их положение. Откуда у брата такая влажная, чистая нефритовая подвеска?

— Это... это?

— Нашёл в озере, — небрежно бросил Цзян Жунъи и больше не отвечал на её вопросы.

Цзян Юньси переспросила ещё пару раз, но не получила ответа. Она взглянула на ослабевшего Цзян Жунъи, потом на ещё хранящую тепло подвеску и приняла решение.

— Брат, не волнуйся. Я обязательно выкуплю подвеску обратно.

Цзян Жунъи, лежавший без движения, наконец пошевелился и добавил:

— Без права выкупа.

Он не хотел больше видеть ничего, что напоминало бы ему о Чжоу Сывэе.

Цзян Юньси выручила за подвеску восемьдесят лянов серебра.

Ей только-только исполнилось десять, и она никогда не видела столько серебра. Она думала, что совершила выгодную сделку.

Но на самом деле хозяин лавки, воспользовавшись её юностью, задумал обмануть Цзян Юньси.

Подвеска была из отличного нефрита. Даже если это был просто земной камень, Цзян Жунъи носил её несколько сотен лет, и она, промытая бесчисленными потоками духовной энергии, стала артефактом.

Ювелирное изделие ценой в тысячу лянов было куплено за жалкие восемьдесят, да ещё и без права выкупа. Даже если бы правда потом открылась, шанса пожалеть бы уже не было.

Цзян Жунъи, проживший в культивации и не знавший цен на хлеб насущный, даже не подумал, что его могли обмануть. Он лишь вздохнул:

— Я так и знал, что Чжоу Сывэй не способен подарить ничего путного.

И тут же решил спустить все восемьдесят лянов до последней монеты, не желая оставлять себе ничего, что могло бы напомнить о былом.

За сотню жизней, играя злодея, он никогда не знал нужды в еде, одежде или жилье. Даже теперь, впад в нищету, он не собирался отказываться от своих дурных привычек.

Даже в глухой деревне одежда должна быть самой изысканной из тех, что есть в швейной мастерской, румяна — самыми дорогими, а лошадь для повозки — самой резвой.

Цзян Юньси послушно исполняла его указания, и серебро утекало, как вода, принося взамен лишь несколько вещей.

Цзян Жунъи, однако, был очень доволен. Сначала он снял изодранный газ и облачился в одежду, сотканную ткачихами, затем взял коробочку с румянами, макнул в них палец и замазал алые облачные узоры в уголках глаз.

Эти две красные отметины были отличительным знаком злодея Цзян Увана. О них знали все в мире культивации. Сейчас он не мог скрыть их с помощью иллюзии, поэтому пришлось прибегнуть к уловкам смертных.

У Цзян Жунъи болели глаза, он видел всё расплывчато. Он долго вглядывался в своё отражение, чуть ли не прижимаясь носом к зеркалу, и, убедившись, что не заметил никаких изъянов, позвал Цзян Юньси, чтобы отправляться в Шаньинь, не опоздать бы на проверку дома Цзян.

— Может, отдохнёшь ещё пару дней? — Цзян Юньси всё ещё беспокоилась о нём, ведь Цзян Жунъи выглядел еле живым.

Цзян Жунъи не придавал значения своему состоянию. В конце концов, в теле осталась энергия системы, и умереть было не так-то просто.

— До Шаньиня всего три дня пути, ничего не случится.

Может быть, Цзян Жунъи родился под несчастливой звездой, но даже за эти три дня пути он умудрился вляпаться в неприятности.

Всё из-за слишком роскошной повозки, которую они наняли. Разбойники в поле приняли их за жирную добычу. Две стрелы — и возница упал замертво.

Лошадь, испугавшись, пронеслась какое-то время, прежде чем остановиться.

Цзян Жунъи в повозке изрядно потрясло. Едва он уселся поудобнее, как его вырвало кровью.

Сам он не придал этому значения, лишь пожалел, что новая одежда, которую он только надел, теперь вся в алых пятнах.

Цзян Юньси выглянула в щёлку между занавесками. Возница, сидевший снаружи, исчез, остались лишь лужа крови да несколько стрел, торчащих из досок повозки.

— Брат? — Цзян Юньси, подавив страх, обернулась к болезненному Цзян Жунъи. — Брат, я понесу тебя на спине, побежим.

Бедная Цзян Юньси с детства недоедала, выросла хиленькой и едва доставала Цзян Жунъи до пояса.

Даже если Цзян Жунъи когда-то был злодеем, не ведавшим пощады, он не мог позволить маленькой девочке нести его на себе.

Да и бежать ему было лень. Он решил просто остаться в повозке и ждать, пока разбойники сами придут.

Сейчас Цзян Жунъи был почти слеп, зато слух у него обострился.

Он слышал приближающиеся беспорядочные шаги — сразу понял, что это обычные люди, без капли культивации.

Цзян Юньси безоговорочно доверяла брату. Раз он сказал, что бежать не надо, она спокойно села рядом. Даже когда разбойник грубо отдернул занавеску, она не шелохнулась.

Родимое пятно на лице Цзян Юньси было слишком заметным. Свирепый разбойник сначала увидел её и, поморщившись, буркнул:

— Уродка?

Затем он заметил сидящего внутри Цзян Жунъи. Глаза его загорелись, и он заорал:

— А тут товар высшего сорта!

Услышав это, подоспевший следом разбойник оттолкнул первого и потянулся, чтобы вытащить Цзян Жунъи, не забывая сыпать сальными шуточками:

— Дай-ка я первый попробую! Мы же договаривались!

— Брат! — коротко вскрикнула Цзян Юньси, вскочила и заслонила собой Цзян Жунъи.

Куда такой маленькой девочке тягаться с разбойниками! Разбойник, не прилагая усилий, отшвырнул её в сторону:

— Пошла прочь, уродка! Меня от одного твоего вида тошнит.

Цзян Юньси ударилась головой, в ушах загудело, она не могла подняться и только бормотала:

— Брат...

Обругав её, разбойник снова ухмыльнулся Цзян Жунъи:

— Красавчик, иди сюда, поиграем.

Цзян Жунъи, этот «товар высшего сорта», слегка улыбнулся. Его бледные губы окрасились алой кровью, и это придало ему необычайную привлекательность.

Разбойник увидел, как шевельнулись его губы, но не расслышал, что тот сказал, и машинально переспросил:

— Что?

— Я говорю, — тихо повторил Цзян Жунъи, — хорошо.

Разбойнику почему-то стало не по себе, он даже на миг замялся, не решаясь схватить Цзян Жунъи.

Остальные разбойники снаружи подначивали:

— Эй, сопляк, трусил перед девкой?

Разбойник сплюнул в сторону и рывкнул:

— Не галдеть! Сейчас я с ним разберусь!

Разбойнику так и не удалось осуществить задуманное.

С неба спустился юноша в белых одеждах. В одиночку он обратил в бегство целую шайку, не запятнав даже уголка своей одежды.

Тань Цзинфан прибыл с Пэнлая. Он направлялся в город Шаньинь, в дом Цзян, чтобы забрать самого талантливого ребёнка нового поколения и взять его в ученики на Пэнлай, вступив на путь культивации.

По пути он наткнулся на разбойников, грабивших проезжих и пристававших к незащищенным женщинам. Тань Цзинфан, конечно, не мог пройти мимо и, обнажив меч, пришёл на помощь.

Затем юноша подошёл к повозке и мягко произнёс:

— Сударыня, вы, должно быть, испугались. Злодеи обезврежены.

Цзян Жунъи моргнул, но увидел лишь белое пятно, приблизившееся к нему.

Тань Цзинфан только тут заметил, что сидящий в повозке — вовсе не девушка, как он себе представлял.

Юноша был молод и легко смущался. Щёки его мгновенно вспыхнули.

— П-простите!

Самым разумным для Тань Цзинфана сейчас было бы развернуться и уйти, но он, словно под гипнозом, спросил:

— Вам нужна помощь?

— Ах, — наконец опомнился Цзян Жунъи, — наш возница погиб.

И вот так Тань Цзинфан, самый выдающийся ученик Пэнлая в этом поколении, совершенно необъяснимым образом превратился в возницу.

Тань Цзинфан смирился с судьбой. Он пошевелил духовной энергией и сотворил заклинание

направления, чтобы лошадь сама нашла дорогу.

— Вы куда?

— В Шаньинь.

Тань Цзинфан не удержался и украдкой заглянул внутрь повозки. Культиваторы, омытые духовной энергией небес и земли, почти не имели уродливых лиц. А по достижении стадии Золотого ядра у них был шанс переформировать тело. Поэтому на Пэнлае, где учился Тань Цзинфан, все были красавцами.

Но никто не мог сравниться с этим человеком.

Красота истинная — в костях, а не в коже.

Не нужно было никаких украшений. Стоило этому человеку просто откинуться на сиденье, бросить один небрежный взгляд — и это запечатлевалось в памяти навсегда, заставляя жаждать вновь и вновь.

Тань Цзинфан оборачивался слишком часто и наконец встретился взглядом с Цзян Жуньи. Он застыл, не зная, повернуться обратно или нет.

Спустя мгновение он с трудом нашёл тему для разговора и спросил:

— Меня зовут Тань Цзинфан. Осмелюсь спросить, как мне к вам обращаться?

Редко кто спрашивал имя Цзян Жуньи.

В прошлом праведники называли его исчадием, демоны величали Владыкой Десяти Преисподних, и только Чжоу Сывэй осмеливался звать его Цзян Уваном.

И вот Цзян Жуньи ответил серьёзно, с лёгким прищёлкиванием языка, мягко опуская конец фразы, и последний слог прозвучал так, словно он улыбался.

— Цзян Жуньи.

Сквозь тысячи перерождений это имя всегда оставалось в его памяти.

Пусть твоя жизнь будет лёгкой и беззаботной.

Тань Цзинфан, заметив, что оба носят фамилию Цзян, не удержался и спросил:

— Вы не родственники дома Цзян из города Шаньинь?

<http://bllate.org/book/22488/2371106>